# НАРУШЕНИЕ НОРМЫ В ЦИФРОВОЙ РЕЧИ МОЛОДЁЖИ И ГРАНИЦЫ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИИ: НА МАТЕРИАЛЕ УЗБЕКСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ.

**Умурзакова К.Х.**

**Аннотация.** В статье рассматриваются особенности цифровой речи молодёжи Узбекистана на материале узбекского и русского языков. Описаны основные типы отклонений от литературной нормы в мессенджерах и социальных сетях: сокращения, графическая вариативность, заимствования, переключение кодов. Показано, что внешне сходные явления могут быть как функционально оправданной инновацией, так и следствием недостаточной языковой грамотности. Предложены четыре критерия, помогающие преподавателю различать эти случаи: функция, понятность, уместность и системность формы. Сформулированы рекомендации по работе с цифровой речью учащихся в образовательном процессе.

**Ключевые слова:** цифровая речь, языковая норма, функциональная инновация, молодёжный язык, узбекский язык, русский язык, переключение кодов, языковая грамотность.

## Введение

За последние годы цифровая среда стала для молодёжи главным местом общения. Школьники и студенты переписываются в мессенджерах, комментируют видео, ведут блоги и сторис, и всё это происходит на скорости, которая не оставляет времени на редактуру. Письменная речь в таких условиях всё чаще ведёт себя как устная: сокращает слова, отказывается от пунктуации, смешивает алфавиты и языки. Преподаватели замечают это на каждом занятии, когда в студенческих работах встречаются «спс», «норм», «rmt» или «slm», а пересказ текста вдруг превращается в набор мемов.

В Узбекистане эта картина имеет свою специфику. Здесь одновременно живут два языка с развитой письменной традицией, узбекский и русский,

причём узбекский письменно использует и кириллицу, и латиницу. Молодой человек в течение одного разговора может написать фразу по-узбекски латиницей, ответить по-русски и вставить английское слово, взятое из популярной игры. Для лингвиста это богатый материал, а для педагога повод задуматься о том, где проходит граница между живым языковым творчеством и обычной небрежностью.

Актуальность темы связана и с общими задачами, которые поставлены перед образованием в Новом Узбекистане. Стратегия развития страны на 2022–2026 годы делает ставку на качество образования, цифровизацию и формирование грамотного, конкурентоспособного поколения. Но воспитывать языковую грамотность без понимания того, как говорит и пишет сама молодёжь, невозможно. Нужны наблюдения, а не только запреты.

Цель работы состоит в том, чтобы описать основные типы нарушений нормы в цифровой речи молодёжи и определить, в каких случаях они превращаются в функционально оправданные инновации. Для этого решаются три задачи: уточнить понятия нормы и функциональной инновации применительно к цифровой коммуникации; сопоставить характерные явления в узбекском и русском языках; предложить критерии, по которым преподаватель может отличить оправданное новшество от ошибки.

**Теоретические основы: норма, узус и функциональная инновация** В классической лингвистике норма понимается как совокупность общепринятых и социально одобряемых правил употребления языковых средств. Она существует не сама по себе, а на фоне узуса, то есть реальной речевой практики. Пока разрыв между ними невелик, язык развивается спокойно. Когда он растёт, возникает напряжение: одни говорящие продолжают следовать правилу, другие уже пользуются новой формой. Именно в этой зоне напряжения и происходят языковые изменения.

В отечественной русистике хорошо известно, что норма подвижна и исторична. Об этом писали Л. П. Крысин, В. Г. Костомаров и многие другие

исследователи, обращавшие внимание на «языковой вкус эпохи», который меняется вместе с обществом. Е. А. Земская показала, что разговорная речь обладает собственной системой, а не является испорченным вариантом книжной. Эти положения важны для нашей темы: нельзя называть ошибкой всё, что не совпадает с учебником.

Под функциональной инновацией мы понимаем языковое новшество, которое решает конкретную коммуникативную задачу и при этом не разрушает понимания между говорящими. Сокращение «спс» экономит время, слово «кринж» передаёт оттенок неловкости, для которого в нейтральной лексике нет столь же короткого эквивалента, а эмодзи заменяет интонацию, недоступную в письменном тексте. У таких форм есть понятная функция, и именно она отличает их от простой неграмотности.

Нарушением же нормы, не имеющим функционального оправдания, мы считаем случаи, когда форма не даёт никакого выигрыша ни в скорости, ни в выразительности, а лишь затрудняет понимание или демонстрирует незнание правила. Если студент пишет «в течении месяца» вместо «в течение месяца», быстрее или выразительнее от этого не становится ничего. Разграничить эти два случая и составляет главную практическую трудность.

Специфику цифровой среды подробно описывал Д. Кристал: интернет породил особую разновидность языка, где сочетаются признаки письменной и устной речи. Для молодёжи это естественная среда, и поэтому её речевые привычки легко переносятся в учебные работы, письма преподавателям и официальные обращения. Здесь и возникает проблема, которой посвящена наша статья: умение переключать регистры не складывается само собой, его необходимо формировать.

**Анализ материала: узбекский и русский языки/** Примеры, приведённые ниже, носят иллюстративный характер: это типичные явления, которые регулярно наблюдаются в молодёжных чатах, комментариях и

социальных сетях. Для полноценного вывода о частотности потребуется отдельное корпусное исследование.

Графико-орфографический уровень. В русской цифровой речи молодёжи распространены намеренное отсутствие заглавных букв и точек, сокращения («спс», «пжл», «щас», «норм», «хз»), растяжение гласных для передачи эмоции («приветтт», «даааа») и замена слов эмодзи. В узбекском языке картина иная и во многом сложнее. Из-за двух алфавитов в одном сообщении нередко соседствуют латинские и кириллические буквы, а специальные знаки для звуков o‘, g‘ часто заменяются обычным апострофом или вовсе опускаются, так что «o‘zbek» превращается в «ozbek». Распространены и сокращения вроде «rmt» (rahmat), «slm» (salom), «krk» (kerak), «nma» (nima), которые читаются только благодаря контексту.

Лексический уровень. Здесь у двух языков больше общего. Оба активно заимствуют английские слова, связанные с интернетом и играми: лайк, пост, контент, сторис, стрим. Адаптация происходит по законам каждого языка. В русском появляются «лайкать», «скроллить», «зашеровать», в узбекском аналогичные образования строятся с помощью родных аффиксов, например «лайк босмоқ», «пост қилмоқ». Такие слова легко объясняются функционально: у них нет коротких исконных эквивалентов, а обозначаемые действия возникли вместе с самой технологией. Другое дело заимствования, у которых давно есть точные соответствия: когда вместо «yaxshi» или «хорошо» постоянно пишут «okay» или «nice», выигрыша в смысле нет, зато есть языковая мода.

Переключение кодов. Особый случай представляет собой смешение узбекского, русского и английского языков в одном высказывании. Двуязычие в Узбекистане существует давно, и переключение кодов само по себе не является признаком плохого владения языком. Часто оно служит стилистическим приёмом: русское слово придаёт реплике иронию, английское выражает современность, узбекское обращение создаёт близость. Однако у

этого явления есть и обратная сторона. Если молодой человек не может изложить мысль на одном языке без опоры на другой, речь идёт уже не о выборе, а о дефиците словарного запаса.

Грамматический и стилистический уровень. В обоих языках заметна тенденция к упрощению синтаксиса: короткие фразы, пропуск служебных слов, отказ от сложных конструкций. В русском это сопровождается нарушениями согласования и управления, особенно у тех, кто основное общение ведёт в сети. В узбекском языке заметны неточности в употреблении аффиксов и нарушение орфографических норм, поскольку письменная практика молодёжи часто опирается на неформальную транслитерацию, а не на утверждённые правила алфавита.

Из сказанного видно, что одни и те же внешние признаки могут иметь совершенно разную природу. Сокращение может быть экономией усилий, а может быть следствием незнания нормы. Поэтому оценивать нужно не саму форму, а то, зачем и в какой ситуации она употреблена.

**Границы функциональной инновации.** На практике преподавателю нужен не теоретический ответ, а рабочий инструмент. Опираясь на проведённый анализ, мы предлагаем четыре вопроса, которые помогают отличить оправданную инновацию от нарушения нормы.

1. Есть ли функция. Даёт ли новая форма выигрыш в скорости, точности или выразительности? Если нет, перед нами, скорее всего, небрежность или подражание моде.

2. Сохраняется ли понятность. Поймёт ли форму человек из другой возрастной или социальной группы? Если она работает только внутри узкой компании, её нельзя считать общеязыковым фактом.

3. Соответствует ли форма ситуации. То, что уместно в переписке с друзьями, неуместно в заявлении, реферате или письме преподавателю. Граница проходит не по самой форме, а по сфере общения.

4. Подчиняется ли форма системе языка. Удачные новшества обычно встраиваются в грамматику: слово «лайкать» спрягается как любой русский глагол, а «лайк босмоқ» строится по узбекской модели. Формы, ломающие систему, приживаются значительно реже.

Эти критерии не претендуют на строгость, но они позволяют заменить эмоциональную реакцию («так говорить нельзя») обоснованным суждением. Сам факт, что слово пришло из интернета или из английского, ничего не говорит о его ценности. Многие слова, которые сегодня кажутся нам совершенно нейтральными, в своё время тоже вызывали раздражение у тех, кто следил за чистотой языка.

Вместе с тем нельзя впадать и в противоположную крайность и объявлять всё допустимым только потому, что так говорят. Норма выполняет важную общественную функцию: она обеспечивает взаимопонимание между поколениями, регионами и профессиональными группами. Для узбекского языка, чей статус как государственного закреплён законом, а письменная система находится в стадии постепенного перехода на латиницу, единый орфографический стандарт особенно важен. Для русского языка, который в Узбекистане остаётся средством межнационального общения, образования и науки, не менее важно сохранять качество литературной речи.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о том, кто принимает решения. Изменения норм не должны возникать только по указке сверху, но и не могут быть отданы целиком на откуп случайной моде. Здесь необходим диалог между лингвистами, преподавателями и самими молодыми носителями языка, и в этом диалоге научные исследования играют ключевую роль.

**Образовательные аспекты и выводы.** Существующая практика преподавания языков часто строится на запретах и исправлении ошибок, а цифровая речь учащихся при этом остаётся за пределами внимания. Такой подход малоэффективен: студент не перестаёт писать «спс» в чате, он лишь

перестаёт понимать, зачем ему учить правила. Гораздо продуктивнее работать с тем, что ему близко.

На наш взгляд, можно предложить несколько направлений работы. Во-первых, использовать в обучении сопоставительные задания: предлагать учащимся переписать неформальное сообщение в официальном стиле и наоборот, а затем обсудить, что именно изменилось и почему. Во-вторых, включать в занятия небольшие наблюдения над живым языком: собрать десять новых слов из своих лент, определить, какие из них функционально оправданны, а какие нет. В-третьих, уделять особое внимание единству орфографии узбекского языка в условиях двух алфавитов, поскольку именно здесь у молодёжи больше всего путаницы. В-четвёртых, развивать у учащихся осознанное двуязычие, то есть умение выбирать язык и регистр сознательно, а не по инерции.

**Основные выводы работы можно сформулировать следующим образом.**

- Нарушение нормы в цифровой речи молодёжи нельзя оценивать однозначно: внешне похожие явления могут быть как оправданной инновацией, так и следствием недостаточной грамотности.

- В узбекском и русском языках цифровая речь имеет общие черты (сокращения, заимствования, переключение кодов), но различается графической проблематикой: для узбекского языка острее стоит вопрос алфавитов и транслитерации.

- Предложенные четыре критерия (функция, понятность, уместность, системность) помогают преподавателю принять обоснованное решение без излишней строгости и без вседозволенности.

- Дальнейшее изучение темы требует корпусных исследований молодёжной речи на обоих языках и экспериментальной проверки методик, которые позволяют формировать умение переключать регистры.

Таким образом, развитие языковой культуры молодёжи напрямую связано с реформами в образовании. Современная школа и вуз должны не

воспринимать цифровую речь как угрозу, а учить на её примере сознательному отношению к языку. Именно такое отношение является одним из условий формирования грамотного и самостоятельно мыслящего поколения, на которое рассчитывает Новый Узбекистан.

**Список литературы:**

1. Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Русский язык, 1979.
2. Земская Е. А. Язык как деятельность: морфема, слово, речь. М.: Наука, 2004.
3. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М.: Педагогика-Пресс, 1994.
4. Крысин Л. П. Русский язык в современном мире. М.: Наука, 2004.
5. Crystal D. Language and the Internet. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
6. Закон Республики Узбекистан «О государственном языке» (в действующей редакции).
7. Указ Президента Республики Узбекистан «О Стратегии развития Нового Узбекистана на 2022–2026 годы» от 28 января 2022 года.
8. Материалы собственных наблюдений автора над речью молодёжи в социальных сетях и мессенджерах (2025–2026).